

A person in silhouette is walking away on a path through a misty, blue-tinted forest. The trees are bare and their branches are visible against the fog. The overall mood is somber and mysterious.

Виктор Чубарев

**Наблюдения о главном и не
очень**

**СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ**

18+

Виктор Чубарев

Наблюдения о главном и не очень

«Автор»

2025

Чубарев В.

Наблюдения о главном и не очень / В. Чубарев — «Автор», 2025

Мы эту жизнь не выбрали. Это ключевая мысль. Основополагающая. Мы в неё попали. Как в лужу. Или как в эпидемию. Без спроса. Никто не спрашивал: «Алло, зародыш! Хочешь на свет? Будут тебе там налоги, одиночество, пробки и чувство нереализованности в подарок на тридцатилетие? Нет? Ну ладно, как знаешь». Нет. Просто — бац! И ты уже здесь. Надел кожу, кости, вставили мозг — рабочая, в общем, модель. И пошёл. Разгребать. И жизнь... Она не выбирала нас. Мы ей тоже не очень-то нужны. Но раз уж столкнулись лбами — приходится как-то уживаться. До конца. Который тоже никто не выбирал. Так что — терпите. Вы не выбрали. Но попали. И теперь — отвечаете. За всё. Хотя никто не спрашивал, согласны ли вы на эту ответственность. Цирк, да и только. Но билетёр уже ушёл. Придётся смотреть представление до конца. Хотя спектакль — так себе, и актёры — криворукие. Но альтернативы — нет. Вы же не выбрали. Конец. Или нет? Начало..Надо разобраться.

© Чубарев В., 2025

© Автор, 2025

Содержание

0. Мы эту жизнь не выбирали.	5
Первый распределитель	7
Первая любовь. Пособие по сборке и списанию.	9
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Наблюдения о главном и не очень

0. Мы эту жизнь не выбирали.

Это ключевая мысль. Основополагающая. Мы в неё попали. Как в лужу. Или как в эпидемию. Без спроса.

Никто не спрашивал: «Алло, зародыш! Хочешь на свет? Будут тебе там налоги, одиночество, пробки и чувство нереализованности в подарок на тридцатилетие? Нет? Ну ладно, как знаешь».

Нет. Просто – бац! И ты уже здесь. Надел кожу, кости, вставили мозг – рабочая, в общем, модель. И пошёл. Разгребать.

Мы не выбирали родителей. Это же лотерея, в которой ты даже билет не покупал. Тебе его вручили. И смотрят: ну-ка, что тебе выпало? Алкаши? Трудоголики? Нормальные? Поздравляю в любом случае. Игра началась.

Правил не знаешь, цель не ясна, но отыгрывай. Мы не выбирали время. Родиться в девяностые? Анекдот. В эпоху, когда главные герои – бандиты, а главная валюта – купоны на масло. Или в нулевые, когда главный смысл – казаться богаче, чем есть. Великолепно. Сиди в этой эпохе, как в плохо проветриваемом автобусе, и терпи. Ты же не выбирал маршрут. Ты в него сел.

Мы не выбирали тело. Достался нос картошкой? Носи. Склонность к полноте? Толстей и комплексуй. Родился блондином, а мечтал быть брюнетом? Плачь. Или красься. Это уже твои проблемы. Тебе выдали комплект. У кого-то «люкс»: рост, харизма, здоровье. У кого-то – «эконом»: близорукость, прыщи и вегето-сосудистая дистония. Не нравится? А кто спрашивал? И дальше – по накатанной.

Тебя не спросили, хочешь ли ты учиться. Иди. Не спросили, хочешь ли ты работать на дядю Петю. Работай. Не спросили, нужна ли тебе ипотека на тридцать лет. Бери, а то без жилья останешься. Ты не выбирал эту систему. Ты в неё вписался. Как вирус в клетку. Без вариантов. А любовь? А дружба? Тоже не выбирал. Случайно встретил. Случайно понравился. Случайно обжегся. Или не обжегся. Как повезёт.

Ты не заказывал эту дурацкую, прекрасную, раздирающую душу пьесу. Тебе просто выпала роль. И ты играешь. Плохо или хорошо – неважно. Главное – играть. Чтобы зрители (они же – такие же неудачливые актёры) не засвистели. И самое циничное – мы пытаемся эту случайность, эту незапрошенную жизнь – как-то обустроить.

Красим стены в квартире, которую не выбирали. Копим на машину, которая сломается. Рожаем детей, которых тоже не спросим, хотят ли они сюда. И так – по кругу. Абсурд в чистом виде. Как если бы тебя случайно заперли в чужом доме, а ты начал там делать ремонт, заводить семью и сажать яблони. Хотя дом – не твой, и участок – не твой. Но раз уж попал – наводи марафет.

Мы не выбирали конец. Он тоже придёт. Без спроса. Врачи будут разводить руками: «Ну что вы хотите, возраст». А ты будешь думать: «Какой, на хрен, возраст? Я же только начал!». Но не начнёшь. Потому что время вышло. А ты его и не заказывал.

Так и живём. Невыбранные, попавшие, случайные. Носим свои невыбранные тела по невыбранным городам, работаем на невыбранных работах, смотрим в глаза невыбранным, но таким родным людям. И делаем вид, что это – судьба. Что так и было задумано. А на самом деле – просто попали. Как в дождь без зонта. Мокнем. Ругаемся. А потом привыкаем. И даже начинаем находить в этом какую-то свою, горькую, чёрную прелесть.

Вот и вся философия. Подслушана у классиков. Подсмотрена у жизни.

Мы – пассажиры автобуса, который едет не туда. Но сойти нельзя. Остаётся только смотреть в окно, комментировать дорогу саркастическими фразами и надеяться, что хоть вид из окна будет ничего. Или что кондуктор окажется симпатичным. А жизнь... Она не выбирала нас. Мы ей тоже не очень-то нужны. Но раз уж столкнулись лбами – приходится как-то уживаться. До конца. Который тоже никто не выбирал. Так что – терпите. Вы не выбирали. Но попали. И теперь – отвечаете. За всё. Хотя никто не спрашивал, согласны ли вы на эту ответственность. Цирк, да и только. Но билетёр уже ушёл. Придётся смотреть представление до конца. Хотя спектакль – так себе, и актёры – криворукие. Но альтернативы – нет. Вы же не выбирали.

Конец. Или нет?

Первый распределитель

А началось-то всё именно там. В первом распределителе. Куда нас определили сразу после роддома, как партию товара. Называлось это место – детский сад. Или, если по-человечески, – испытательный полигон для будущей жизни в коллективе. Без права на хочу.

Ты не выбирал этот сад. Тебя приписали. По месту жительства твоих невыбранных родителей. Ты вошёл в мир, пахнувший кислым молоком, хлоркой и безвыходностью. Тебе выдали кальсоны с завязками, тапочки на три размера больше и деревянную лошадку-качалку, у которой отколото ухо. Выбора не было.

Это твоя первая собственность. Качайся и радуйся.

Другая игрушка – пирамидка. Деревянная. Крашеная ядовитой краской, которая, кажется, и дала отсрочку от кариеса, убив всё живое во рту наперёд. Ты не выбирал эти игрушки. Ты получил их, как инвентарь. Как лопату – солдату. Копай.

Режим. Его тоже не выбирали.

Подъём. Даже если не спал.

Завтрак. Манная каша с комками, которые позже в жизни будут вспоминаться как первая экзистенциальная драма. Ты не выбирал эту кашу. Ты её терпел.

Потом – сончас. Всех, как зеков, укладывали на эти кровати с просевшими сетками. Лежи и смотри в потолок. Хочешь спать? Не хочешь? Неважно. Лежи. Молчи. Это – первая школа дисциплины. Урок простой: твои желания – ничто. Режим – всё.

Прогулки. Строем. Все в одинаковых колючих шерстяных костюмчиках, похожие на стадо разноразмерных овец. Воспитательница, как чабан, кричит: «Не отставай!». И ты плетёшься. Дышишь одним воздухом на всех. Играешь в песочно-лопаточный коммунизм: все лопатки общие, все песочные куличики – общее достояние. А если отойдёшь за пределы площадки – предатель. Нарушитель границ. Ещё не зная этого слова, ты уже учился его бояться.

А праздники? Утренники. Ты не выбирал, быть ли тебе снежинкой или зайчиком. Тебя назначили. Выдали бумажную шапочку, которая рвётся от взгляда. И заставили рассказывать стишок про ёлочку. Перед такими же несчастными родителями, которые тоже не выбирали этот спектакль, но обязаны были плакать от умиления.

Вся система работала, как часы с советским знаком качества: без души, но исправно. Была, конечно, и первая дружба. Тоже невыбранная. Дружил с тем, кого поставили рядом на горшок. Или с кем делил одну спальную кровать в тихий час, пока воспитательница читала «Колобка». Это была дружба по распределению. Но от этого – не менее крепкая. Потому что вы были в одной зоне – зоне общего несчастья, радости и восторга и манной каши и деревянные игрушки... Они были символом неубиваемости. Их можно было кидать, грызть, бить об голову соседа – они жили. Как и мы. Нас тоже можно было воспитывать, заставлять, укладывать спать – но мы выживали. Как те деревянные кубики. Без острых углов, но и без возможности сломаться окончательно.

Это была прелюдия. Подготовка. Там нас учили главному: ты – часть системы. Твоё «я» – где-то там, на втором плане. Сначала – очередь на горшок, потом – очередь за колбасой, потом – очередь за жизнью. Всё уже придумано до нас. Нам оставалось только вписаться. И мы вписывались. Потому что альтернативы не было. Выбора – тоже. И потом, через годы, когда мы, уже взрослые, невыбранные и попавшие, сталкиваемся с новой системой, мы иногда ловим себя на мысли: «Да я это уже проходил. В детском саду. Только каша была вкуснее».

Вот такая школа жизни. Без права на тихий час. Но с обязательной манной кашей. И с деревянной лошадкой, которая качается в памяти до сих пор. И кажется, что если бы у нее не было отколото ухо, то и жизнь, возможно, сложилась бы иначе. Но ухо было отколото. И мы это тоже не выбирали.

Так что детский сад – это не ностальгия. Это – первая явка с повинной. Оферта, которую ты принял и признался миру, что согласен на его условия. Даже не зная, какие они. Просто потому, что все так делали. И каша была общей. И сон – общим. И будущее – общим. И деревянным. Как та пирамидка. Которую мы все, так до конца и не собрали.

Далее последуют обрывки. Не воспоминания – воспоминания это для архивариусов и лжецов, тщательно упаковывающих свое прошлое в сахарную вату. Здесь будет именно хлам. Сознание – это чердак, куда сбрасывают все подряд: погнутые чувства, ржавые разговоры, чучела былых убеждений, издающие при попытке прикосновения запах пыли и разочарования.

Попытки навести здесь порядок тщетны. Можно лишь перекладывать этот сор с одного места на другое, иногда находя какой-нибудь артефакт – например, первый поцелуй, засохший и ломкий, как крыло моли. Его не рассмотреть – он рассыпается в прах. Его можно только понюхать. И он будет пахнуть не молодостью и страстью, а школьным мелом и старыми страхами.

Эти тексты – не исповедь. Это протоколы осмотра места происшествия под кодовым названием «Жизнь». Следов борьбы нет. Улик мало. Мотивы неясны. Главный подозреваемый – вы сами – дает противоречивые показания.

Не ищите здесь морали, смысла или светлого финала. Их нет. Есть только акт бессистемной инвентаризации того, что осталось после пожара, который никто не тушил, потому что не заметил, что он горит.

Читайте. Если осмелитесь. Но помните: вы роетесь в чужом мусоре. Руки потом отмыть будет сложно.

Первая любовь. Пособие по сборке и списанию.

Первая любовь – это как получить на день рождения не велосипед, а набор для сборки велосипеда. В коробке – куча винтиков, странных палочек и инструкция на языке, похожем на древнеегипетский. И главное – никто не говорит, что болтики под номерами 12Б и 14В между собой не совместимы в принципе. Ты сидишь, стараешься, скрепляешь эту конструкцию, а она всё время разъезжается и больно бьет тебя по пальцам. Но ты веришь, что в итоге получится «Ракета», а не устройство для самопытки.

Я её впервые увидел, когда она совершала акт милосердия над местным философом – котом Барсиком. Кот был существом циничным, с лицом бухгалтера, проводящего ежегодную инвентаризацию запасов тушенки на складе. Он снисходительно принимал от неё кусок хлеба, явно предпочитая колбасу. А она смотрела на него с обожанием, словно он только что прочел лекцию о смысле бытия. Я стоял в пяти метрах, с пакетом молока, и чувствовал себя идиотом. Потому что понял: вот она, главная магия – способность выдавать обыденное за гениальное. Я влюбился не в неё, а в её брак с реальностью, в котором реальность всегда проигрывала.

Наши свидания были похожи на репетицию пьесы абсурда, где мы были единственными актерами и зрителями. Мы могли три часа проторчать на промерзшей до состояния ледяного камня лавочке, обсуждая, на что похожи узоры на замерзшем окне панельного дома. Варианты были от «карта неизвестной страны» до «последний вздох ангела, который зацепился за пятый этаж». Выбирали всегда самый дурацкий. Молчали. И это молчание было громче любого разговора – оно было заполнено гудящим внутри сознанием: «Господи, как же это здорово, быть таким идиотом вместе с кем-то».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.